

Национальный банк информирует, разъясняет, комментирует

Олег Смоляков:

Наша цель – оздоровление банковской системы

Принятая правлением Национального Банка Казахстана Программа повышения финансовой устойчивости банковского сектора призвана окончательно решить накопившиеся проблемы банковской системы, оздоровить кредитный портфель, оживить кредитование, усовершенствовать риск-менеджмент в финансовых институтах.

Об этом в интервью нашему изданию рассказал заместитель председателя Национального Банка Олег Смоляков.

– Олег Александрович, чем была вызвана необходимость принятия данной программы?

– Многие проблемы банковской системы уходят корнями в прошлые годы. Несмотря на то что постоянно предпринимались попытки их решить, это в конечном счете не приводило к радикальному изменению ситуации. В течение минувшего года мы начали менять некоторые подходы к надзорной деятельности в отношении банков. У нас были поручения Главы государства в части оздоровления банковского сектора, однако постепенно мы поняли, что для выполнения поручений по поводу оживления кредитования нам крайне необходимо устранить старые проблемы, найти решения, которые бы позволили окончательно «перелистнуть страничку». Фактически нужно было перестать маскировать проблемы. А кроме того, никакое стимулирование нового кредитования невозможно без понимания реальной картины состояния качества ссудного портфеля и его соответствующего провизования. В свою очередь для дополнительного создания резервов под потенциальные риски банкам необходим капитал. Таким образом, это как раз и стало отправной точкой для разработки программы финансовой устойчивости. Исходя из того, какие проблемы нам предстояло решить, в программе были выделены блоки, связанные с системообразующим банком – Казкоммерцбанком, группой крупных банков, а также регуляторно-надзорный блок. Последней блок программы призван при помощи надзорно-регуляторных инструментов создать условия для решения старых проблем и обеспечить возможность наращивания нового кредитования.

– Одной из основных проблем банковского сектора является большая навес неработающих займов, часть которых находится в категории реструктурированных кредитов, что позволяет не относить их к числу проблемных в отчетности. Так ли это?

– Нельзя сказать, что реструктуризация займов всегда производится с целью маскировки проблем. Некоторые реструктуризации действительно помогают улучшить состояние заемщика и в перспективе перевести заем в категорию работающих. Но очевидно, что те кредиты, которые официально не находятся на просрочке, так как они реструктурированы, но на деле являются проблемной задолженностью, не несут денежных потоков банку. Это хорошо видно при сравнении начисленных и фактически полученных процентных доходов. То есть, допустим, по займу начислены проценты, но они не получены, потому что кредит реструктурирован. Таким образом, мы имеем «бухгалтерскую прибыль» без реальных денежных потоков. Поэтому мы поставили задачу сделать так, чтобы баланс банков отражал все потенциальные риски, в том числе связанные с этими займами, и чтобы портфель был спровизован в том объеме, в каком необходимо.

– Какова официальная статистика неработающих кредитов в совокупном портфеле банков, и какая их доля может находиться в тени?

– Если говорить о неработающих займах, определяемых как кредиты с просрочкой свыше 90 дней, то их доля в совокупном портфеле составляет около 11%. И мы знаем, что объем реструктурированных займов составляет порядка 15%. Как я уже сказал, не все реструктурированные займы априори являются проблемными, но их качество находится под вопросом. Поэтому мы решили реализовать более жесткий подход

в части провизования. – Известно, что до перехода к более жесткому подходу к формированию резервов Нацбанк планировал провести комплексную оценку качества активов банков. На какой стадии находится эта работа?

– Для начала поясню: сегодня наши банки работают по принципам международных стандартов финансовой отчетности (МСФО), которые дают достаточную свободу для применения субъективных факторов при трактовке факторов, определяющих качество займов. Каждый банк самостоятелен в применении этого подхода, и, как следствие, мы имеем большую вариативность в части формирования провизий. Поэтому при проведении комплексной оценки качества ссудных портфелей банков в первую очередь необходимо выработать универсальную методологию. Что касается непосредственного проведения оценки, то в США и Европе практикуется два подхода. В некоторых странах центральные банки делают эту оценку самостоятельно, иногда для проведения этой работы нанимаются независимый аудитор-консультант. Что это дает? Это дает реальную оценку состояния портфеля. И, понимая эту картину, мы должны каждому банку сказать, что исходя из состояния вашего портфеля, вам нужно создать дополнительный запас резервов или капитала под некоторые потенциальные риски. Возможно, эти риски еще не материализовались, но могут «вырасти» в будущем. Так работают на Западе, во всех европейских странах.

Мы начали изучать эту практику и изначально хотели пойти, жестко следуя европейскому подходу. Но когда мы оценили наши мандаты исходя из существующего законодательства, то выяснили, что мы имеем право лишь на инспекторские проверки. Исходя из законодательства, мы не можем требовать от банков осуществлять регуляторные вычеты, создавать регуляторные провизии. Исходя из мандата, мы не можем потребовать от банка увеличения капитализации и так далее. К тому же возникла проблема раскрытия информации. На Западе результаты всех независимых оценок являются публичными, так как это вопрос защиты прав инвесторов. Не имея этих базовых элементов, мы могли бы получить коллапс. В свою очередь и банки тоже выражали опасения по поводу классической формы проведения независимой оценки. Поэтому мы немного изменили подход: чтобы иметь универсальную методологию, мы разработали правила корректировки капитала, исходя из принципа, который используется в том числе в рамках независимых оценок качества активов. Другими словами, адаптировали методологию под наши реалии, наши возможности и специфику рынка. При этом мы ее сделали не как часть некоторого разового исследования, а добавили ее фактически в надзорную практику. То есть это будет уже требование к банкам оценивать достаточность капитала не только исходя из провизий по МСФО, но и исходя из нашего регуляторного подхода. И как только регуляторные провизии будут зарегистрированы в Министерстве юстиции и вступят в силу, мы в рамках инспекторской деятельности начнем регулярно проводить оценку, насколько банки следуют этой методологии. В свою очередь в рамках финансовой части программы мы предлагаем акционерам банка финансовые ресурсы при условии, что они тоже будут участвовать в капитализации банка.

К практической реализации программы мы приступили с бло-

ка, посвященного системообразующему финансовому институту – Казкоммерцбанку. Одним из базовых условий проведения сделки было проведение независимого аудита его финансового состояния. Причем этот независимый аудит проводился одновременно с нашей стороны и со стороны на тот момент потенциального покупателя – Халык банка, чтобы выйти на некоторые консолидированные результаты. Это пример комплексной оценки качества активов. То есть мы начали с системообразующих финансовых институтов и постепенно в рамках инспекторских проверок реализуем этот принцип в отношении других банков.

– Чем, на Ваш взгляд, могло обернуться решение не поддерживать Казкоммерцбанк?

– Если вы возьмете примеры других государств, то ни в одной стране системообразующий финансовый институт не подлежит абсолютному банкротству. Надо принимать во внимание то, что мы имели банк, который обладал депозитами физических лиц более чем на триллион тенге, порядка полтора триллионов – это были средства различных квазигосударственных компаний и ЕНПФ, около 400 миллиардов тенге обязательств перед нерезидентами и прочими юридическими лицами. Совокупные активы Казкома составляли порядка 4 триллионов тенге.

Опций было несколько. Первый вариант – банкротство. Но это фактически означало потереять все те обязательства, которые у Казкоммерцбанка есть. Пострадала бы вся экономика – не только один банковский сектор, но и квазигосударственные компании, физические и юридические лица. Вторая опция – временное управление, но это опять же отток вкладчиков, поддержка ликвидности в размере нескольких триллионов тенге. Третья опция, которая у нас в законодательстве в принципе не предусмотрена, но существует в мировой практике. Это когда при недостатке капитала в банке можно заставить принудительно кредиторов банка провести реструктуризацию, сделать их акционерами. Это так называемый bail-in. Но у нас в законодательстве принудительного bail-in не предусмотрено. И опять же это означало распространить убыток на всю экономику. Была еще опция национализации. Но этот вариант означал, что государство должно не только вложить деньги в капитал, но и поддерживать банк ликвидностью, плюс сработали бы все ковенанты. Во многих договорах, в том числе с нерезидентами, существуют так называемые ковенанты, то есть условия, при которых сработывает право на досрочное погашение. Национализация банка – одно из таких условий. То есть фактически объем поддержки банка не ограничился бы поддержкой капитала, но еще и большим объемом вливания для досрочного погашения внешних и внутренних обязательств. Поэтому из всех опций единственной альтернативой было сделать разделение банка на «плохой» и «хороший». Такой подход широко практикуется в мире – баланс банка дробится на две части, плохая забирается государством, а хорошая часть банка отдается новому инвестору. Проблемная часть портфеля Казкома была в очень большом объеме связана с БТА Банком, а какая-то часть была собственным проблемным портфелем Казкома. Как мы помним, в 2015

году часть проблемных активов Казкоммерцбанка была передана в БТА Банк. Но при этом у Казкома был кредит, выданный БТА. Соответственно, любая работа с этим проблемным активом отражалась на возвратности этого займа в Казком. Но поскольку денежных потоков было недостаточно, соответственно, этот кредит по факту был проблемным. Поэтому было принято решение – «отцепить» часть проблемного портфеля, связанного с БТА Банком, выкулив его Фондом проблемных кредитов. Затем было принято решение – провести аудит, который показал бы реальную картину, которая удовлетворила бы и инвесторов, и кредитные рейтинговые агентства, и аудиторов, после чего спровизовать его в необходимом объеме. Это тоже было сделано. Но провизии были созданы на такую большую сумму, что собственного капитала акционеров не хватило на покрытие этого объема резервов. Поэтому капитал прежних акционеров был обнулен. Фактически первый, кто понес убыток от данной операции, – это действующие на тот момент акционеры Казкоммерцбанка. Это тоже стандартная практика: когда разделяется хороший и плохой банк, первый, кто должен понести убытки – это старые акционеры. Затем был привлечен инвестор, который фактически выкупил банк за один тенге, но обеспечил капитализацию, необходимую для жизнедеятельности банка. Таким образом, была реализована классическая схема разделения на плохой и хороший банк и поиск нового инвестора. Единственной особенностью стало то, что мы не стали принудительно делить банк, не стали входить государством через внешнее управление. Учитывая размеры банка, риски, возникающие при национализации, наличие ковенантов, была выбрана более рыночная схема.

– Какие принципы легли в основу программы повышения финансовой устойчивости для остальных крупных банков?

– То, что мы предложили для всех остальных крупных банков, – это поддержать капитал, но не безусловно, а при условии, что акционеры способны обеспечить прибыльность банка, при необходимости докапитализировать банк, а также работать с проблемными займами. Как я уже сказал, регуляторный вычет на капитал, который мы приняли, через пять лет будет сильно воздвигаться на параметр достаточности капитала. В течение этих пяти лет акционер должен обеспечить прибыльность, дополнительное вложение денежных средств, а также поработать с активами, чтобы их спровизовать, либо улучшить качество залогов, либо погасить рискованные займы. Поэтому первый принцип – это обязательство акционеров принять комплекс мер по улучшению баланса, второй принцип – солидарное участие акционеров в докапитализации. Согласно программе, две трети суммы докапитализации обеспечивает Национальный Банк, одну треть – акционер. А третий принцип заключается в том, что деньги предоставляются Национальным Банком на возвратной основе. Нам несколько раз предлагали рассмотреть возможность вхождения в основной капитал банков. Мы решили, что в эту часть капитала банков мы не войдем, потому что если банки в дальнейшем будут создавать провизии, то они будут их создавать за счет текущей прибыли. А если этой прибыли будет недостаточно, то провизии должны создаваться за счет убытка действующих акционеров. Таким образом, если мы будем среди акционеров банков, значит, мы как государство будем за счет участия в программе также нести убыток. А кроме того, возник бы конфликт интересов, когда мы, с одной стороны, должны надзирать и требовать от банков выполнения каких-то действий, а с другой – как акционер были бы заинтересованы в определенных послаблениях.

Поэтому мы сказали, что мы поддержим капиталом, но не за счет базового капитала, а за счет дополнительного капитала, который тоже учитывается в пруденциальных нормативах, но, тем не менее, он не является первым источником погашения убытков. Банкам – участникам программы будет предоставляться заем сроком на 15 лет, за этот период он будет амортизирован по ставке, которая, конечно, чуть ниже рыночной, но это уже предмет дополнительных обсуждений.

– Но при этом программа предусматривает возможность конвертации субординированного долга в акции банков в случае ухудшения их финансового положения?

– Каждый банк, претендующий на получение государственных средств, должен предоставить нам план действий, направленный на повышение финансовой устойчивости. Мы имеем в виду минимизацию потенциальных рисков, так как сейчас банки в целом стабильны, но мы хотим закрыть навес возможных рисков. Если этот план не будет выполняться или его выполнение не приведет к улучшению финансовых параметров банка, то в этом случае нарушение пруденциального норматива станет основанием для срабатывания ковенанта, позволяющего нам размыть долю действующих акционеров и фактически принять управление банком. Но мы думаем, что такой сценарий мало реалистичен. Жизнь, конечно, может разные сюрпризы преподнести, но одним из условий предоставления этого субординированного займа является наличие реалистичной модели развития банка. То есть если мы посчитаем, что все те действия, которые в этом надзорном плане прописаны, реалистичны, то только в этом случае будет предоставлен субординированный заем. Поэтому мы считаем, что вероятность конвертации в простой капитал она в этом случае должна быть очень маленькая.

– Насколько я понимаю, как раз сейчас идет переговорный процесс с потенциальными банками-участниками по согласованию этих планов действий, сумм, сроков и так далее?

– Всем банкам, чей капитал превышает 45 миллиардов тенге, мы направили соответствующие заявки. После того как банки дадут согласие на участие в программе, у каждого из них мы затребуем модель развития банка, где будут прописаны и текущие параметры банка, и возможные дополнительные участие со стороны акционеров, действия по улучшению качества активов, структуры менеджмента и так далее. Все это будет рассмотрено на правлении, и если правление в целом поддержит этот план, то тогда уже будет выделяться субординированный заем. Мы рассчитываем, что к концу сентября будут отработаны заявки с моделями развития банков и в конце этого – начале следующего месяца мы будем готовы выносить их на рассмотрение правления. Поэтому конец сентября – октябрь будет для нас очень важным периодом, когда мы каждую заявку посмотрим, оценим и решим, сможет ли банк участвовать в этой программе.

Параллельно мы работаем над созданием нашей дочерней организации – Казахстанского фонда финансовой устойчивости. По закону Национальный Банк может предоставлять займы только на поддержку ликвидности сроком до одного года. А так как займы в рамках программы долгосрочные, то возникла необходимость в создании дочерней структуры.

– Ранее сообщалось, что, исходя из критериев, потенциально в программе могут принять участие 15 банков. Но все ли они изъявят желание участвовать в ней?

– Участие в программе добровольное. Сам факт, что правление Нацбанка примет решение о том, что тот или иной банк сможет принять участие в программе, это некоторый сигнал рынку о реалистичности модели развития банка, о его способности реализо-

вать закладываемые параметры. Банки могут и не участвовать в программе. Возможно, они не захотят принимать на себя те ограничения, которые этой программой предусмотрены. К тому же они могут располагать собственными ресурсами или их бизнес-модель предполагает другие опции – слияния, поглощения, привлечение новых инвесторов, продажу новым инвесторам и так далее. Каждый оценивает свои интересы сам и балансирует соответственно. Но вне зависимости от того, участвует банк в программе или нет, требование о том, что его капитал должен быть достаточен для покрытия потенциальных рисков, является универсальным для всей банковской системы.

– Сегодня пока рано говорить о том, какая сумма будет направлена Нацбанком через свою дочернюю структуру участникам программы? Ранее предварительно называлась сумма 500 миллиардов тенге.

– Эта сумма – некоторый ориентир для нас, потому что мы внутреннюю оценку делали, чтобы определить некоторые базовые параметры программы. Очевидно, что после того, как мы получим заявки, после того, как они будут рассмотрены на правлении, уже конкретно будет уточнена цифра, и мы обнародуем эту информацию.

– Какой результат, как ожидается, будет получен по итогам программы?

– Результатов, на наш взгляд, несколько. Одна из главных проблем, которую постоянно поднимают те же рейтинговые агентства, это то, что реальный размер неработающего портфеля выше, чем показывает статистика. Соответственно, это давит на ликвидность банков, на доходность и на новое кредитование. Поэтому мы ожидаем, что, во-первых, тот портфель, который потенциально находится под риском, он будет в большем объеме спровизован, банки будут иметь достаточный запас капитала для провизования, последующей очистки и списания этих проблемных займов. У нас есть предварительная оценка, что по результатам программы ожидается увеличение совокупного собственного капитала банковского сектора на сумму более триллиона тенге, что усилит их финансовую стабильность и устойчивости к возможным новым неблагоприятным внешним факторам. Соответственно, меры по поддержке банковского сектора, как ожидается, приведут к сокращению неработающих активов на такую же сумму в течение пяти лет, что окажет мультипликативный эффект на развитие экономики страны в целом за счет обеспечения капитализации, списания, прощения и других мер по улучшению качества активов. Кроме того, мы ожидаем, что новые кредиты будут выдаваться банками с использованием более строгих процедур, более высоких стандартов андеррайтинга. Таким образом, улучшение риск-менеджмента, оздоровление портфеля, новые кредиты – это те результаты программы, которые мы ожидаем.

– Критики программы говорят, что государственные деньги банкам достаются слишком дешево.

– Если взять любую программу поддержки банковского сектора в мире, то нигде денежные средства не предоставляются на рыночных условиях. Если банк способен привлечь на рыночных условиях субординированный заем сроком на 15 лет, то он и делает это на рынке. У нас такого рынка нет. Но учитывая, что заем предоставляется на 15 лет, а мы ожидаем снижения инфляции в направлении 4%, то ставка по синдицированному займу находится в тренде снижения долгосрочных ставок. Такой подход в целом отражает задачи программы. Эти задачи не заключаются в том, чтобы предоставить доход банкирам, а в том, чтобы максимально спровизовать портфель. И если какая-то часть дохода, полученного за счет этого займа, будет использована для формирования провизий, то это в целом оздоровит банки.

Беседовал Михаил Максимов